

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

об отказе в принятии к рассмотрению жалоб Безруковой Анны Олеговны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 152¹ и пунктом 1 статьи 152² Гражданского кодекса Российской Федерации

город Санкт-Петербург

12 февраля 2019 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

заслушав заключение судьи Г.А.Гаджиева, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалоб гражданки А.О.Безруковой,

у с т а н о в и л :

1. Гражданка А.О.Безрукова оспаривает конституционность следующих положений Гражданского кодекса Российской Федерации:

пункта 1 статьи 152¹, в соответствии с которым обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина (в том числе его фотографии, а также видеозаписи или произведения изобразительного искусства, в которых он изображен) допускаются только с согласия этого гражданина; после смерти гражданина его изображение может использоваться

только с согласия детей и пережившего супруга, а при их отсутствии – с согласия родителей; такое согласие не требуется в случаях, когда: использование изображения осуществляется в государственных, общественных или иных публичных интересах (подпункт 1); изображение гражданина получено при съемке, которая проводится в местах, открытых для свободного посещения, или на публичных мероприятиях (собраниях, съездах, конференциях, концертах, представлениях, спортивных соревнованиях и подобных мероприятиях), за исключением случаев, когда такое изображение является основным объектом использования (подпункт 2); гражданин позировал за плату (подпункт 3);

пункта 1 статьи 152², согласно которому, если иное прямо не предусмотрено законом, не допускаются без согласия гражданина сбор, хранение, распространение и использование любой информации о его частной жизни, в частности сведений о его происхождении, о месте его пребывания или жительства, о личной и семейной жизни; не являются нарушением правил, установленных абзацем первым данного пункта, сбор, хранение, распространение и использование информации о частной жизни гражданина в государственных, общественных или иных публичных интересах, а также в случаях, если информация о частной жизни гражданина ранее стала общедоступной либо была раскрыта самим гражданином или по его воле.

1.1. Как следует из представленных материалов, решениями Савеловского районного суда города Москвы от 7 июля 2016 года А.О.Безруковой было отказано в удовлетворении исковых требований, предъявленных к АО «Издательский дом «Комсомольская правда» и гражданке В., о защите права на неприкосновенность частной жизни, защите права на охрану изображения гражданина, компенсации морального вреда. Указанные исковые требования были обусловлены тем, что названным издательством в средствах массовой информации были опубликованы проиллюстрированные фотографиями статьи, содержащие сведения о частной жизни А.О.Безруковой, на публикацию которых согласия она не давала.

Отказывая в удовлетворении заявленных требований, руководствуясь при этом положениями пункта 1 статьи 152¹ и пункта 1 статьи 152² ГК Российской Федерации, суд первой инстанции указал, что опубликованная информация ранее уже была распространена в различных средствах массовой информации и, таким образом, являлась общедоступной (общеизвестной). По мнению суда, А.О.Безрукова, будучи театральным режиссером, является публичной фигурой, поэтому размещенная информация о ее частной жизни представляла безусловный общественный (публичный) интерес и при этом не содержала негативных сведений в отношении истца или сведений об интимных аспектах ее жизни. Кроме того, фотографии, на которых А.О.Безрукова позировала фотографу, были сделаны во время проведения публичного мероприятия с участием прессы, что могло свидетельствовать о наличии ее волеизъявления не только на фотосъемку, но и на дальнейшее обнародование и использование этих изображений в средствах массовой информации.

Апелляционными определениями судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 2 февраля 2017 года и от 16 февраля 2017 года данные судебные постановления были оставлены без изменения, а апелляционные жалобы заявительницы – без удовлетворения. Суд апелляционной инстанции, в целом поддержав выводы суда первой инстанции, сославшись в числе прочего на постановления Европейского Суда по правам человека от 24 июня 2004 года по делу «Фон Ганновер (Принцесса Ганноверская) (*Von Hannover*) против Германии» и от 26 февраля 2002 года по делу «Кроне Ферлаг ГмбХ и Ко. КГ (*Krone Verlag GmbH & Co. KG*) против Австрии», пришел к выводу, что судом первой инстанции найден справедливый баланс между правом истца как публичного лица на охрану его частной жизни и изображения, с одной стороны, и публичными интересами – с другой.

Определениями судьи Московского городского суда от 29 июня 2017 года и от 30 июня 2017 года и определениями судьи Верховного Суда Российской Федерации от 13 сентября 2017 года, с которыми, в свою очередь,

не нашел оснований не согласиться заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации (письма от 17 октября 2017 года и от 1 ноября 2017 года), заявительнице было отказано в передаче кассационных жалоб на указанные судебные постановления для рассмотрения в судебных заседаниях соответствующих судов кассационной инстанции.

По мнению А.О.Безруковой, оспариваемые законоположения не соответствуют статьям 19 (части 1 и 2), 23 (часть 1) и 24 (часть 1) Конституции Российской Федерации, поскольку по смыслу, придаваемому им сложившейся правоприменительной практикой, они допускают сбор, хранение, распространение и иное использование информации о частной жизни, включая изображения, гражданина (в том числе находящегося в силу своей профессии, рода занятий и (или) иных обстоятельств в центре общественного внимания) без его согласия средствами массовой информации и иными лицами на том основании, что к такому гражданину и к любой информации о нем имеется общественный (публичный) интерес.

2. Наличие или отсутствие неопределенности в вопросе о конституционности оспариваемых заявительницей норм – что является в силу части второй статьи 36 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» основанием для принятия жалобы к рассмотрению – определяется Конституционным Судом Российской Федерации исходя из тех же критериев, руководствуясь которыми он принимает решение по существу, а именно, оценивая как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, и исходя из его места в системе правовых актов (часть вторая статьи 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации») (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 июля 2014 года № 1562-О), включая общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, которые согласно статье 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации являются составной частью правовой системы Российской Федерации

(определения Конституционного Суда Российской Федерации от 8 февраля 2007 года № 292-О-П, от 1 декабря 2005 года № 519-О и от 19 ноября 2009 года № 1344-О-Р).

При этом конституционное судопроизводство как субсидиарный (резервный) по своему назначению способ защиты нарушенных прав и свобод граждан допускается, если без проверки конституционности оспариваемого закона эти права и свободы не могут быть восстановлены. Возбуждение производства о проверке конституционности закона возможно тогда, когда права заявителя нарушаются самой нормой закона и заложенный в ней смысл, в том числе с учетом названных критериев, не допускает такого ее истолкования и применения судами общей юрисдикции и арбитражными судами, при котором права и законные интересы гражданина или организации могут быть защищены и восстановлены в обычном порядке (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 22 апреля 2004 года № 112-О, от 17 июля 2007 года № 544-О-О, от 9 февраля 2016 года № 222-О и др.).

2.1. Конституция Российской Федерации устанавливает, что каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени; сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются (статья 23, часть 1; статья 24, часть 1). При этом каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом; гарантируется свобода массовой информации; цензура запрещается (статья 29, части 4 и 5). Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, эти конституционные установления в полной мере относятся к любой информации – независимо от места и способа ее производства, передачи и распространения, включая сведения, размещаемые в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (Постановление от 9 июля 2013 года № 18-П).

Приведенные нормы соотносятся с положениями международно-правовых договоров Российской Федерации, в том числе Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которой каждый имеет право на

уважение его личной и семейной жизни (пункт 1 статьи 8); каждый имеет право свободно выражать свое мнение; это право включает свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ (пункт 1 статьи 10).

Европейский Суд по правам человека ранее в своих решениях указывал, что информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет» ввиду ее общедоступности и способности хранить и распространять огромные объемы информации играет важную роль в расширении доступа общественности к новостям, и в облегчении распространения информации вообще (постановления от 10 марта 2009 года по делу «Таймс Ньюспейпер ЛТД (*Times Newspaper LTD*) (№ 1, 2) против Соединенного Королевства» и от 18 декабря 2012 года по делу «Ахмет Йылдырым (*Ahmet Yildirim*) против Турции»). В то же время опасность того, что материалы и информация в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» могут причинить вред осуществлению прав и свобод лица, особенно праву на частную жизнь, и пользованию этими правами и свободами, определенно выше, чем опасность, исходящая от печатных средств массовой информации (постановления Европейского Суда по правам человека от 5 мая 2011 года по делу «Редакция газеты «Правое дело» и Штекель (*Editorial Board of Pravoye Delo and Shtekel*) против Украины» и от 16 июня 2015 года по делу «Компания «Делфи АС» (*Delfi AS*) против Эстонии»).

Указанные фундаментальные права, общепризнанные в правовых демократических государствах – постольку, поскольку они защищают являющиеся одинаково значимыми интерес частного лица в обеспечении его приватности, с одной стороны, и интерес широкой общественности в доступе к информации, с другой, – не находятся в состоянии главенства и подчинения и не обладают безусловным приоритетом друг перед другом.

2.2. Европейский Суд по правам человека, осуществляя на основании статьи 32 Конвенции о защите прав человека и основных свобод толкование ее статей 8 и 10, неоднократно отмечал, что в делах, при рассмотрении которых

Европейскому Суду по правам человека было необходимо установить баланс между защитой частной жизни и свободой выражения мнения, он всегда подчеркивал вклад, который фотографии или статьи в прессе внесли в обсуждение, представляющее интерес для общественности (постановления по делу «Фон Ганновер (Принцесса Ганноверская) (*Von Hannover*) против Германии», от 4 июня 2009 года по делу «Штандард Ферлагс ГмбХ» (*Standard Verlags GmbH*) против Австрии (№ 2)» и др.). Вместе с тем такая дискуссия, представляющая общественный интерес, может касаться не только вопросов политики или преступности, но и вопросов спорта, актерского искусства или иного творчества (постановления Европейского Суда по правам человека от 7 февраля 2012 года по делу «Фон Ганновер (Принц Ганноверский и Принцесса Ганноверская) (*Von Hannover*) против Германии (№ 2)» и от 28 октября 2014 года по делу «Йон Кэрстя (*Ion Carstea*) против Румынии»).

При этом публикации, направленные исключительно на удовлетворение любопытства определенного круга читателей относительно подробностей личной жизни лица, каким бы известным оно ни было, как правило, не могут считаться вкладом в дискуссию, представляющую общественный интерес, затрагивающий благополучие граждан или противоречия по поводу важного социального вопроса (постановление Европейского Суда по правам человека от 10 ноября 2015 года по делу «Кудерк и «Ашетт Филипакки Ассосье» (*Couderc and Hachette Filipacchi Associes*) против Франции»). Общественно значимые вопросы не могут включать в себя ни ожидания публики, интересующейся деталями частной жизни других лиц, ни любовь читателей к сенсациям или даже вуайеризму; публика не имеет правомерного интереса знать о некоторых интимных аспектах жизни лица, в том числе известной эстрадной певицы (постановление Европейского Суда по правам человека от 21 февраля 2017 года по делу «Рубио Досамантес (*Rubio Dosamantes*) против Испании»).

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 27 июня 2013 года № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов

к ней» разъяснил, что с целью эффективной защиты прав и свобод человека судами учитываются правовые позиции Европейского Суда по правам человека, изложенные в ставших окончательными постановлениях, которые приняты в отношении других государств – участников Конвенции о защите прав человека и основных свобод; при этом правовая позиция учитывается судом, если обстоятельства рассматриваемого им дела являются аналогичными обстоятельствам, ставшим предметом анализа и выводов Европейского Суда по правам человека (пункт 2).

Таким образом, судам при рассмотрении конкретных дел надлежит учитывать, что сведения о частной жизни, в особенности интимного характера, не могут признаваться общественно значимой информацией только потому, что они касаются публичного (широко известного в обществе) лица, включая представителей творческих профессий.

2.3. Положения законодательства Российской Федерации, рассматриваемые с учетом разъяснений, данных им Верховным Судом Российской Федерации на основании статьи 126 Конституции Российской Федерации, согласуются с приведенной практикой Европейского Суда по правам человека.

Так, в силу части первой статьи 49 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 «О средствах массовой информации» журналист обязан: получать согласие (за исключением случаев, когда это необходимо для защиты общественных интересов) на распространение в средстве массовой информации сведений о личной жизни гражданина от самого гражданина или его законных представителей (пункт 5); при получении информации от граждан и должностных лиц ставить их в известность о проведении аудио- и видеозаписи, кино- и фотосъемки (пункт 6).

Рассматривая данные положения в системном единстве с оспариваемым заявителем пунктом 1 статьи 152² ГК Российской Федерации, устанавливающим, по существу, исчерпывающий перечень случаев, когда журналист освобождается от указанной обязанности, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 15 июня 2010 года № 16 «О

практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» подчеркнул следующее. К общественным интересам следует относить не любой интерес, проявляемый аудиторией, а, например, потребность общества в обнаружении и раскрытии угрозы демократическому правовому государству и гражданскому обществу, общественной безопасности, окружающей среде. Судам необходимо проводить разграничение между сообщением о фактах (даже весьма спорных), способным оказать положительное влияние на обсуждение в обществе вопросов, касающихся, например, исполнения своих функций должностными лицами и общественными деятелями, и сообщением подробностей частной жизни лица, не занимающегося какой-либо публичной деятельностью. В то время как в первом случае средства массовой информации выполняют общественный долг в деле информирования граждан по вопросам, представляющим общественный интерес, во втором случае такой роли они не играют (пункт 25).

Кроме того, применительно к оспариваемому пункту 1 статьи 152¹ ГК Российской Федерации в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» указано, что допускается обнародование и использование изображения гражданина без его согласия, когда имеет место публичный интерес, в частности если такой гражданин является публичной фигурой (занимает государственную или муниципальную должность, играет существенную роль в общественной жизни в сфере политики, экономики, искусства, спорта или любой иной области), а обнародование и использование изображения осуществляется в связи с политической или общественной дискуссией или интерес к данному лицу является общественно значимым. Вместе с тем согласие необходимо, если единственной целью обнародования и использования изображения лица является удовлетворение обывательского интереса к его частной жизни либо извлечение прибыли (пункт 44). Из этого следует, что названные условия обнародования и использования изображения

гражданина являются кумулятивными, т.е. должны соблюдаться в совокупности, – иными словами, самого по себе отнесения лица к числу публичных фигур не достаточно для применения указанного законоположения.

Приведенная правовая позиция, учитывая аналогичные юридические конструкции оспариваемых законоположений и имея в виду, что Конституция Российской Федерации в статьях 23 и 24 не делает различий между способами (формами) распространения информации о частной жизни лица, применима в случае опубликования не только изображений (фотографий) лица, но и информации о его частной жизни в средствах массовой информации без его на то согласия.

3. Конституционный Суд Российской Федерации отмечает, что заявительница, как следует из представленных материалов, не была лишена возможности обратиться в установленном порядке с требованием прекратить выдачу сведений об указателе страницы сайта в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», позволяющих получить доступ к информации о гражданине (физическом лице), распространяемой с нарушением законодательства Российской Федерации, являющейся недостоверной, а также неактуальной, утратившей значение для гражданина (физического лица) в силу последующих событий или действий гражданина (физического лица) (часть 1 статьи 10³ Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»), однако указанным способом защиты своих прав она не воспользовалась.

Данный правовой механизм, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, ориентирует суды на основе установления и исследования фактических обстоятельств конкретного дела находить баланс между конституционно защищаемыми ценностями: доступом граждан к информации, с одной стороны, и защитой прав граждан при распространении информации о них – с другой (Определение от 26 ноября 2018 года № 3087-О). С приведенной позицией согласуется подход, которого придерживался Европейский Суд по правам человека в постановлении от 19 октября 2017 года по делу «Фуксманн (*Fuchsman*) против Германии», не усмотревший

нарушения статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, отметив в том числе, что заявитель не предпринял попытки добиться исключения ссылок на спорную статью в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» из результатов поиска.

Таким образом, пункт 1 статьи 152¹ и пункт 1 статьи 152² ГК Российской Федерации, рассматриваемые в системе действующего правового регулирования и с учетом сложившейся правоприменительной практики, не содержат неопределенности с точки зрения их соответствия Конституции Российской Федерации в оспариваемом А.О.Безруковой аспекте. Следовательно, отсутствуют основания полагать, что применением этих законоположений в конкретных делах с участием заявительницы были нарушены ее конституционные права.

Проверка же законности и обоснованности принятых по делам с участием А.О.Безруковой судебных постановлений не относится к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации, как она определена в статье 125 Конституции Российской Федерации и статье 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалоб гражданки Безруковой Анны Олеговны, поскольку они не отвечают требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данным жалобам окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации

№ 275-О

В.Д.Зорькин